

Илья Куликов

Малюта. Часть 2

ЛитРес: Самиздат
Москва

УДК 82-311.6
ББК 84(2)6
К90

Куликов И.

Малюта. Часть 2 / Куликов И. — Москва: ЛитРес: Самиздат, 2021. — 111 с.

ISBN 978-5-532-99311-2

Стоны, плач, ужас... В тяжелые времена - свои герои, свои правила, свои законы. С большим трудом собранную Русь бояре хотят растащить по кусочкам, однако на их пути - царь Иван Грозный и его верный пес Григорий Скуратов. Он без всякой жалости готов выжигать измену и казнить предателей, особо не задумываясь, насколько те виновны. Пути назад не будет. Россия останется единой, даже если в Александровской слободе тысячи умрут под пытками. Вторая часть романа.

Содержание

Глава 11	4
Глава 12	12
Глава 13	31
Глава 14	43
Глава 15	51
Глава 16	59
Глава 17	69
Глава 18	77
Глава 19	89
Глава 20	100
Эпилог	110

Глава 11

Князь Иван Фёдорович Мстиславский был человеком жёстким и на всем белом свете любил только одного человека – себя. Когда отцу его супруги князю Александру Горбатову-Шуйскому отсекли голову, Мстиславский сразу перестал общаться с женой Ириной и всячески убеждал её отречься от земного и удалиться в монастырь. Когда та отказалась, то он попросту отравил её и почти сразу женился на дочери князя Владимира Воротынского – красавице Анастасии.

Впрочем, в женщине его интересовала вовсе не красота, а то, насколько он может усилиться, воспользовавшись влиянием её родственников. Для плотских потех Иван Фёдорович всегда находил себе дев из простого народа.

С учреждением опричнины князь Иван Мстиславский попробовал занять там достойное место, но государь не принял его, а поставил земским боярином. Вскоре князь Мстиславский понял, что это даже лучше, и серебро рекой потекло ему в руки. Он без зазрения совести крал из государственной казны, так как считал её своей. Если государь выделял деньги на войско, то едва ли пятая часть доходила до ратников, зато под Тулой князь возводил себе настоящий дворец.

Иван Фёдорович любил вкусно поесть и щедро кормил по пять десятков верных ему людей, постоянно приглашая к себе множество гостей.

Вместе с князем Иваном Дмитриевичем Бельским, ещё более бесстыжим и состоятельным, чем он, князь Мстиславский делил обильную трапезу у себя в палатах, которые по великолепию уступали разве что государевым. Оба боярина настолько были богаты и сильны, что открыто могли хулить царя за столом, совсем не боясь, что кто-нибудь донесёт об этом.

– Скажи мне, Иван Дмитриевич, – вытирая жирные губы белоснежным полотенцем, проговорил князь Мстиславский, – а ведь как-то само получается, что не может Россия быть единой. Да и никогда

не была. Напрасно из Москвы её столько лет собирали. Вот сейчас – два царства, одно наше с тобой, а другое Ваньки-царя. Вот скажи мне, любезный, ну зачем нам ему кланяться? Поделили всё и будет. Русью четыре Ивана правят: я, ты, Фёдоров да Иван-дурак.

– Тебе что, Иван Фёдорович, живётся плохо? Ванька-царь, пока в слободе живёт, сильно нам не мешает, а делить – здесь нужно сперва умом пораскинуть. Коли Россия и впрямь на несколько частей распадётся, то народ начнёт стонать. Хотя по правде говоря, народ наш всегда чего-то хочет. Тут от короля Жигимонта ко мне на днях посланник приехал. Потолковал я с ним. Король зовёт нас к себе и обещает власть удельных князей.

Князь Мирославский рассмеялся и принялся отрезать большой кусок гуся.

– Удельными князьями нам предлагает быть! Глупый этот Жигимонт. Да мы великими князьями скоро станем! Пусть Ванька-царь в Александровской слободе царствует, а мы всей остальной Россией владеть будем. Вот если бы Жигимонт нам военную помощь против царя Ивана оказал, то другое дело, а он ведь с ним замирился хочет, а Ливонию поделить так, как она сейчас занята войсками.

– А чего – нужно ему грамоту написать и прямо сказать: коли поможет нам против Ваньки-царя, то мы ему Ливонию отдадим. Русь поделим между всеми князьями и боярами, а царь нам даром не надобен. Да и, по большому счёту, никто его царём-то в мире и не считает. Сам себя царём нарёк, а по правде говоря, как был великим князем Московским, так им и остался, – сказал князь Бельский.

– А царь Иван, чтобы доказать своё право на титул, выдумал, что род Рюрика идёт от самого Августа – императора Римского. Говорит, что Прусс был братом Августа и каким-то прадедом самого Рюрика. Все смеются над этим.

– Смеются-то смеются, да народ наш русский его царём именует.

– Да пусть как хотят именуют, – усмехнулся Мстиславский, – это всё пустое. Грамоту к королю напишем. Если согласится признать нас великими князьями и ни от кого не зависящими, то мы ему против царя Ивана верные друзья. А уж если нет, то мы и так неплохо сидим. Настанет день – Ванька-царь издохнет, как пёс бешеный. Вот

с его сыновьями и договоримся. Мне тут его сын Иван писал, что после смерти своего отца Русь к старым временам вернётся: Москва станет общим городом, а каждый князь будет в своей вотчине править.

– Да, Иван Иванович будет хорошим великим князем. Он понимает, что родовитость не исчезнет. Это отец его, бешеный паскудник, хочет нас, князей, со служивым людом сравнять. Это бабка Ивана-дурака, София Палеолог, чужие обычаи к нам на Русь принесла. В Греческом царстве так было – все в холопах у тамошнего царя ползали. А у нас на Руси всегда иначе дела велись. Кто у него в ближниках? Грязной-псарь! Скуратов! Да он ката к себе приблизил, а тебе и мне рядом с ним места не нашлось. Ничего – и без него прожили.

– Молод ещё царь, чтобы помирать. Тридцать семь лет всего.

– А что – молодые не помирают? Ещё как помирают! Мы с тобой, – подмигнул Ивану Фёдоровичу князь Бельский, – в любом случае в накладе не останемся. Или пусть вон остаётся, дадим ему в удел Александровскую слободу. Пусть там монашество со своим сбродом, только жену и блудниц своих пусть прогонит. Не подобает быть и князем, и игуменом. Вон, пусть боярин Фёдоров Иван Петрович его землями правит, покуда княжич Иван Иванович в возраст не войдёт.

– Да Фёдоров хоть и стар, да алчен. Как бы он сам себя царём не нарёк, став править Ивановыми землями.

– В своих землях каждый именовать себя может, как ему вздумается. Хоть царём, хоть псарём!

Оба князя задумались. Конечно же, говорить крамолу – одно, а совсем иное – помыслы свои в жизнь воплотить. Впрочем, в этот раз они зашли слишком далеко и останавливаться не хотели.

После трапезы князья составили грамоту к королю Жигимонту, в которой предлагали разделить Русь, а ему отдать всю Ливонию, если, конечно, он не будет пытаться заставить их подчиниться, а дозволит жить по старине. На всякий случай хитрые бояре сами грамоту не писали, заставив сделать это одного из гостей – дворянина Якова Жилецкого. Всё же побаивались князья, что если этот свиток угодит в руки царю Ивану, то тот их и головы лишить может. А так всегда

отпереться можно, мол, кто писал её, с того и спрашивай. Отвезти её в Литву доверили этому же Якову.

В Александровской слободе пиры сменялись строгим постом и днями молитвы.

Как-то раз государь Иван Васильевич, как обычно, закончил чтения Псалтыря и все опричники прекратили трапезу.

– Не вели казнить, царь-батюшка, позволь мне тебе слово молвить, молю ты, – сказал Григорий Лукьянович, поднимаясь со своего места.

Царь обычно сам выбирал, с кем разделит трапезу после того, как братия разойдётся, и оттого все с большим интересом смотрели на то, как поступит государь.

– Что ж, Малюта, ты по-пустому рот не открываешь. Останься, поделишь со мной трапезу. Ты, Алексей Басманов, и ты, Васютка Грязной, тоже оставайтесь. Вместе послушаем, что брат Малюта скажет.

Государь сел за стол, и его келарь князь Вяземский стал подавать ему пищу. Иван Васильевич принялся есть, делая знак Скуратову, чтобы тот начинал говорить.

– Государь, казаки на границе с Литвой поймали дворянина Якова Жилецкого. Пытался к Жигимонту перебраться, – не спеша начал рассказывать Григорий Лукьянович.

– Так отсеки ему голову и дело с концом. Нет у меня пощады к изменникам. Завтра он в руки оружие возьмёт, как окаянный Курбский, и будет землю, его взрастившую, грабить и жечь. Много изменников развелось, целыми стаями к Жигимонтке бегут. Туда им и дорога. Кого поймает – казним, а те, кто убежал, – бес с ними. Я с ними намучился – пусть теперь Жигимонт мучается. Всё им Родина не мила, иноземщина манит – что ж, пусть хлебнут чужбинушки.

– Не в том дело, государь, – продолжил Малюта, – этот человек вёз к королю Жигимонту письма от князей Бельского и Мстиславского. В них описано, как они хотят Русь поделить. Одна беда – письма эти не их рукой писаны и печати так приложены, что и не

поймёшь – истинные или подделка. Я его сильно пытал – говорит, что его заставили писать.

– Поделить Русь? – побагровел царь Иван. – Вот до чего додумались. Я им разделю Россию! Я их самих на части поделю!

Алексей Басманов тяжело вздохнул и, поклонившись царю, заговорил:

– Государь, коли сейчас против земских бояр выступишь, то все князья на их сторону встанут. Начнётся на Руси смута, а она только Жигимонту и нужна. Мы будем глотки друг другу рвать, так как князья Мстиславский и Бельский под свою руку всех Гедиминовичей, да и большую часть Рюриковичей соберут, а Жигимонт все наши завоевания себе присвоит, и к тому же ещё и наши исконные земли себе приберёт.

Царь Иван рукой смахнул со стола всю посуду и вскочил на ноги. Все отпрянули от него, кроме Малюты, продолжавшего спокойно сидеть на своём месте.

– И что – простить предлагаешь? Или, может, сделать вид, что я не вижу, как они Россию губят? Да как только царство на мелкие княжества распадётся, то всё погибнет. Жигимонт себе все западные земли заберёт, свейский король – северные, а султан с крымским ханом юг и царства Батыевы – Казань и Астрахань. Всю державу погубить хотят, бесы!

– Если ты начнёшь войну со Мстиславским и Бельским, то так и будет, – поддержал Басманова князь Афанасий Вяземский, – мы будем друг друга сечь, а враги со всех сторон на Россию набросятся.

– Государь, дозвожь мне слово молвить, молю тя! – хриплым голосом произнёс Григорий Лукьянович.

– Ты заплечных дел мастер, – презрительно бросил Алексей Басманов, – и в дела государственные нос свой не суй. Не разберёшься. Ты своё дело хорошо знаешь – вот и знай.

– Кто тебе дал право на своего брата так говорить, – одёрнул Басманова царь, – брат Малюта не глупей тебя будет. Говори!

– Государь, если просто объявить Мстиславского и Бельского твоими врагами, то их и вправду вся Русь поддержит. Богаты князья да бояре, быстро соберут рать. Нужно сделать иначе – они должны

перед всеми стать предателями, чтобы к ним в рать никто ни за деньги, ни удали ради не пошёл. К земским боярам – Бельскому, Мстиславскому, Воротынскому и Фёдорову, наших людей направь. Выряди их в костюмы иноземные и напиши им грамоты, якобы от короля Жигимонта. В них предложи измену да всякие награды наобещай. Если согласятся, то грамоты эти в Москве и во всех городах зачитаем простому люду. Русский народ сам их на куски порвёт. Не против тебя им придётся воевать, а против всей Руси. Сами к тебе на карачках приползут, прося прощения и защиты. В Твери, в Калуге, в Рязани так же, как и в Москве, люди себя уже русскими именуют, и им к удельным временам возвращаться не хочется. Помнят ещё, как горели церкви да как полон толпами в Литву и в Орду гнали.

– А что, – улыбнулся царь, – неглупо говоришь, Малюта. Пожалуй, так и сделаем. Они ведь ждут ответ Жигимонта – будет им ответ.

– А если они все откажутся, но соблазн возымеют? Может, этого человека, который якобы от них грамоты Жигимонту вёз, сам Жигимонт и послал? Может, нет никаких заговоров? Неужто за просто так покараешь их? Подумай сам, государь, ты ведь им соблазн неслыханный предлагаешь. Одно дело быть слугой – иное дело государем. Не искушай их, – проговорил князь Афанасий Вяземский.

– А это тебя искусить можно, потому что ты рода княжеского, – брякнул Васютка Грязной, от которого, как всегда, разило вином, – мне вот предложи быть государем, так я ему в рожу плюну. Один на Руси царь – Иван Васильевич!

Спустя несколько недель в Александровскую слободу прибыли ответы на письма, которые были разосланы боярам от имени короля Жигимонта. Все как один отказывались перейти на службу к королю. Царь Иван Васильевич, сидя на золотом троне, молча слушал их ответы и исподлбья посматривал на Малюту Скуратова и Васютку Грязного. Когда гонец, принёсший ответы бояр, ушёл, царь сжал кулаки и встал со своего места.

– Ну, брат Малюта, что скажешь? – спросил царь Иван Васильевич. – Верны земские бояре русской земле. Видно, дворянин, которого поймали казаки, со страху оговорил достойных людей.

– Может, и так, – согласился Григорий Лукьянович, спокойно смотря в глаза царю Ивану, – да только что-то мне слабо в это верится. Молю ты, государь, не будь слишком доверчивым. Хитры князя Бельский, Мстиславский, Воротынский, и уши у них повсюду. Серебро иногда получше всякой пытки языки раскрывает. Видно, прознали, окаянные, что ты их испытываешь, или кто из братьев-опричников сочувствует им, казнокрадам и губителям отечества. Вот этот Иуда среди нас стоит и своими ушами всё слушает, чтобы потом донести.

Малюта подозрительно посмотрел на князя Вяземского и на Алексея Басманова. Афанасий Вяземский развёл руками и рассмеялся.

– Государь, да к чему нам тебя и дело твоё предавать? Я келарь твой и верно тебе служу. Боярин Фёдоров пишет королю Жигимонту и воеводе его Хоткевичу, что он уже при смерти и нечего ему делать в землях короля. Полки водить он уже не в силах, веселить никого не умеет, плясать по-латинянски не умеет. Говорит, что богат и знатен и от тебя, царь, только милость видел.

Царь с подозрением обвёл взглядом своих ближников. В последнее время ему всё меньше хотелось доверять князю Вяземскому и Алексею Басманову.

– Смотрите – за тридцать серебряников Иуда Христа продал, а вы меня за сколько? Какие все письма складные пришли! Думаете, кто-то вас обласкает лучше меня? Хулите меня за спиной, что заставляю монашескую жизнь вести, а вам по душе только вино пить да имение своё увеличивать? А ты, брат Малюта, говорил, что пёс мой верный. Так что же ты измену не можешь выявить? Кто из моих ближников на самом деле враг мне? Афоня? Может, Васютка, пьяный дурень, язык свой унять не смог? Басманов?

– Могу, государь, да только милостив ты со своими врагами. Вон, князь Иван Мстиславский, никого не боясь, опять из казны деньги похитил, а ты его тронуть не хочешь. Ты Соловецкому монастырю отписал тысячу рублей, чтобы те солеварением занялись, а он её украл. А митрополит Филипп к тебе жаловаться на него не идёт, так как боится, что ты вора обезглавишь и его кровь на нем будет.